

АЛЬМИРА
РАЙ

НЕ МОЯ
ЖЕНА

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р18

Редактор серии *Е. Харламова*
Оформление серии *Е. Тимей*

В оформлении обложки использована фотография:
© LightField Studios / Shutterstock.com

В оформлении авантитула использована иллюстрация:
© Anastasiia Dzhioeva / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Рай, Альмира.

Р18 Не моя жена / Альмира Рай. — Москва :
Эксмо, 2021. — 288 с.

ISBN 978-5-04-120300-9

Дочь моего друга... Слишком юная для меня, совсем невинная. Я наблюдал за ней издали, борясь с отнюдь не безгрешными мыслями. Но бороться было бесполезно, ведь я знал, что это не просто прихоть, больше, чем увлечение. Трагедия разлучила нас, а судьба свела вновь спустя десять лет. Моя девочка выросла. Теперь уже взрослая, безумно красивая женщина. И не моя жена. Это должно было удержать меня. Но оказалось, что чувства за годы обрели более глубокий оттенок. Теперь я не намерен отступать. Она станет моей!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рай А., 2021
© Оформление.

ISBN 978-5-04-120300-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

— Мне пора домой, — шепчу виновато.

— Домой? — Артур насмешливо изгибает губы. — В тот дом, из которого этот ублюдок выставил тебя босую и раздетую?

Меня охватывает стыд, и от воспоминаний скандала с Глебом собираются слезы. Но нужно вернуться, чтобы вновь попытаться поговорить о разводе. Он в ярости, а если узнает, где я и с кем, будет злиться еще больше.

Артур наклоняется ниже, вторгаясь в мое личное пространство. Я не могу долго выдержать этот сканирующий взгляд и опускаю глаза на его губы. Такие манящие... Я ругаю себя за глупые мысли и тут же возвращаюсь к ним.

— Варя, — зовет он так нежно, словно ласкает голосом. — Я тебя ему не отдам. Ты меня поняла?

Я все же нахожу в себе силы посмотреть на него вновь и застываю. Он смотрит так, будто я его сокровище.

Глава 1

Я кусала губы, нервно расхаживая по комнате и все время поглядывая на часы. Без пяти восемь вечера. Он вернется с минуты на минуту. Главное, не отступить, не растерять крохи смелости, что набрались вместе со злостью и жгучим отчаянием. Десять лет — мой предел.

Дверной замок щелкнул, и вместе с ним зашлось в груди сердце. Ладони вспотели, ноги подкосились, и я споткнулась, сделав всего шаг. Не упала, устояла.

Глеб вошел в квартиру, сразу нашел меня взглядом, впрочем, лишь мимолетно скользнул, вяло улыбнулся и отвернулся к шкафу. Идеально выглаженный пиджак оказался на вешалке, кожаный портфель — на полке. Я видела это каждый вечер. И знала, что будет дальше. Он ослабит галстук, закатает рукава белоснежной рубашки, уберет очки в чехол, спрячет тот в карман и посмотрит на меня. По сути, сквозь меня.

— Что на ужин? — голос холодный, требовательный.

— Твои любимые голубцы, — ответила я.

Он ждал, что я подойду, поцелую в щеку — не двигался с места. Сегодня я не подойду. И целовать его не стану. Сегодня будет не так, как всегда. Я почти уверена, что этот день запомню на всю жизнь. Потому что попрошу развода. А он будет в ярости.

Глеб недовольно сощурился. Мотнул головой и пошел мне навстречу. Он всегда так тонко чувствовал мое настроение — знал, когда можно подавлять, требовать, а когда нужно погладить по шерстке, заманить пряником. Но никакие пряники уже не спасут наш брак. Он лгал мне. Он предал меня. Он разрушил мир, который мы так долго выстраивали. И главное, что когда я обо всем узнала, то не почувствовала той подавляющей горечи, какую ожидала. Меня просто засосало в пустоту, где боль не чувствовалась. Я лишь боялась. Всегда чуточку опасалась своего мужа, ведь он ходил по краю, давая понять, что иногда ему очень трудно сдерживать свою злость. Я знала, он плохо все воспримет, но отступать не собиралась. Пришло время признаться себе, что от былых чувств ничего не осталось. Глядя сейчас на Глеба, я всерьез задумалась, а были ли, собственно, чувства?

Муж подошел, провел ладонью по моим длинным волосам. В жесте не было ласки,

только механические движения. Как уставший хозяин, который, вернувшись с работы, решил погладить кошку. Он уже даже и не понимал, зачем ее завел. Как украшение для дома или чтобы не чувствовать себя одиноким. Но с питомцами, как и с женщинами, всегда много хлопот.

— Что не так?

— Звонила твоя любовница, — прошептала я, так и не собрав силы, чтобы посмотреть ему в глаза. Мне хватило убийственного взгляда, который я ощутила кожей, как только слова сорвались с моих губ.

— И? — холодный, наглый вопрос.

«И?» После десяти лет брака? Я была поражена настолько, что злость вскипела с новой силой. Теперь мне хватило запала даже на то, чтобы смело задрать подбородок и встретить едкий взгляд ледяных серых глаз.

— И я хочу развода.

Вот и все. Я сказала это. Теперь назад дороги нет.

Глеб еще секунду смотрел на меня, будто не верил. Хмурился, переваривал. Время тянулось немыслимо долго, пока я наблюдала за процессом пробуждения монстра. Черты красивого лица ожесточились, заострились, губы стали уже, глаза — злее.

И его ладонь, все еще лежащая на голове, крепко сжалась. Я вскрикнула от боли, когда он резко потянул меня за волосы.

— Развода? — проговорил он тихо и так натужно, будто одно маленькое слово далось ему с огромным трудом. Но все же он не орал. То, как он демонстрировал силу и подавлял меня, пугало намного больше. — Развода тебе захотелось, а? Из-за кого? Из-за какой-то шлюхи, которая сама же передо мной ноги раздвинула? Хочешь вот так просто разрушить нашу жизнь?

Я вскрикнула снова, когда стало еще больнее, и попыталась разжать его пальцы. Но Глеб неумолимо тащил меня к выходу.

— Отпусти! — дрожащим от подкатывающих слез голосом попросила я.

— Я сейчас отпущу, — процедил он и толкнул ногой дверь. — Отпущу.

Глеб буквально вышвырнул меня на улицу, босую, в одном лишь легком домашнем платье.

— Отпускаю! — заявил этот тиран цинично. — Вали на все четыре стороны. Дура! Давай, вкуси независимой жизни. Без мужа, без крова, без денег, без всего. Потому что у тебя ничего нет и быть не может без меня. Подумай сначала, кому ты такая дефектная нужна.

Он хлопнул дверью так сильно, что даже светильник над крыльцом пошатнулся. И вслед за этим грохотом прозвучал еще один — на небесах. Они будто смеялись надо мной, вторили мужу.

Ничтожество. Дефектная.

Полил дождь. Холодный, зябкий, противный сентябрьский дождь, который всегда со-

провождался ветром, разбрасывающим пожелтевшие листья. Почти стемнело.

Глеб все продумал. Куда я уйду босая, в холодину, в темноту? Останусь на крыльце, буду стучать в дверь и проситься обратно. О, он был бы рад, он тогда бы еще долго не прощал меня и повторял, какая я глупая и беспомощная. Это мой муж умел лучше всего.

И все же он никогда прежде не был настолько жесток. Я всхлипнула, почувствовав жалость к себе. Знала, что это гиблое дело, но не могла остановить поток слез. Слишком все несправедливо.

Я быстро промокла до нитки. Начала дрожать, зуб на зуб не попадал, и никакие растирания не спасали ситуацию. Мне оставалось только два вида унижения. Проситься домой или идти к соседу. Наш таунхаус был последним в комплексе, и сосед был лишь справа — старик, обожающий судачить. Я знала еще милую пару через два дома, но от мысли, что я появлюсь на их пороге в таком виде, хотелось рыдать еще больше. Несправедливо! Ненавижу его!

Уже занесла руку к двери, как на меня упал свет фар.

Резко обернувшись, увидела на нашей узкой тихой улочке подъезжающий автомобиль. Обычно в такое время все жильцы уже дома, да и машину я не узнала.

Но хуже всего, что она остановилась прямо у дорожки к нашему дому. Водительская

дверца открылась сразу же, даже фары не погасли. Высокий широкоплечий мужчина в костюме, прикрывая от дождя голову папкой, быстрым шагом направился напрямик ко мне. Я сжалась, затихла, застыла. Признаться, поначалу испугалась, и сильно. Но когда мужчина оказался в двух шагах от меня, я его признала. И сердце бешено забилося от надежды.

— Артур Романович, — проговорила едва слышно.

— Варя, ты какого черта...

Он заметил, что я босая, и смолк. А затем поднял глаза на мое лицо, и его глаза недоброжелательно сузились. Кажется, таким я видела его впервые. Артур... Романович Терешин. Папин доверенный человек и друг. Именно ему папа доверил завещание. В последний раз мы виделись десять лет назад. Сколько ему теперь? Тридцать семь... Тридцать восемь? Он ничуть не изменился. Такие же большие, теплые, цвета шоколада глаза, прямой нос, красивые, хоть и тонковатые губы и всегда заросший щетиной подбородок. По нему и не скажешь, что так много времени прошло, только на висках появились седые пряди. Я смотрела на него во все глаза, как под гипнозом, не в силах оторваться. Своим неожиданным появлением он вызвал слишком много давно позабытых воспоминаний. Артур был частью семьи, прошлым, от которого ничего уже не осталось. Кроме, собственно, самого мужчины. И я бы-

ла безумно рада его видеть. Если бы только не при таких обстоятельствах.

Меня мгновенно объял стыд, и я отвела взгляд.

— А что вы здесь делаете?

— Я что? — возмутился он и, бросив папку на половой коврик, начал стягивать с себя пиджак. — Ты что на улице стоишь полуголая? В такую холодину! Иди сюда немедленно.

Я нырнула в его пиджак и задрожала еще больше. Господи, какой родной, изумительный аромат парфюма. Я позволила себе на секунду закрыть глаза, пока Терешин растирал мою спину и прижимал к себе. Ему, кажется, было плевать на то, что сам он очень быстро намокал.

— Где твой муж? — спросил он. Его голос всегда был очень низким, немного пугающим, а сейчас и вовсе звучал жутко.

— В доме, — ответила я. Даже в голову не пришло врать, хотя спустя секунду я пожалела. Лучше бы соврала, чтобы он не понял ничего, не сделал логичные выводы. Но Артур всегда был очень умным и прозорливым мужчиной.

— А-а-а, — протянул он зловеще. — Ну, пускай там и сидит. Документы я ему привез, как он просил. А посему задерживаться больше нет смысла.

И с этими словами он, слегка наклонившись, подхватил меня под ноги.

— Но... — Даже не нашла слов возражения. Да и знала его немного. Он не отпустил бы, ни в коем случае не оставил меня мерзнуть в темноте. Я лишь посмотрела на дверь своего дома и до боли прикусила губу. Будет хуже. Глеб не найдет меня, и будет только хуже.

Но, как только я оказалась на пассажирском сиденье прогретой машины, бережно усаженная и заботливо пристегнутая ремнем безопасности, все чуждые мысли улетучились, испарились, как будто их кто-то спрятал в ларец и закрыл на ключ.

— Сейчас, — суетился Артур, настраивая климат-контроль в салоне. Как только на нас подул горячий воздух, он резко тронулся с места, вырвав из узкой улочки элитного коттеджного района на шумную магистраль. Нам повезло: время пробок прошло и передвигаться удавалось быстро.

— А... Куда мы едем? — спросила я неловко, растирая окоченевшие ноги.

— Ко мне, — ответил коротко Артур. Он окинул меня быстрым взглядом, нахмурился и вновь вернулся к дороге. — Прибить твоего Глеба мало.

Я мысленно согласилась, хоть вслух ничего не произнесла. Все еще было неловко, что он застал меня так. Меня, уже взрослую женщину, а не семнадцатилетнюю зеленую девчонку, как тогда. Мой отец был потрясающим человеком, и мне все всегда говори-

ли, что я пойду по его стопам. А на деле... Я превратилась в жалкую серую мышь, от себя самой тошно. И стыдно перед Артуром. Очень стыдно.

— Спасибо, — прошептала я.

Мужчина издал раздраженный смешок и, словно вымещая злость на машине, сильнее вжал педаль газа.

— Не надо меня благодарить, — произнес он сурово, почти по слогам. Я отвернулась к стеклу и прикусила щеку, чтобы не заплакать снова. Только не при нем, пожалуйста!

Оживленная трасса быстро сменилась узкой дорогой, окруженной плотными рядами хвои. Вскоре показался и домик. Красивый, небольшой, с огромными стеклами и деревянными панелями — очень стильный. Впрочем, я ничуть не удивилась, у Артура Романовича всегда был отличный вкус и страсть к красивым вещам. Он, что говорится, мужчина, умеющий ценить жизнь. Я невольно восхищалась им, а папа всегда ставил в пример. Мол, учись у молодого поколения. Артур младше отца и старше меня на десять лет. Что-то среднее между нами, но тянулся, конечно, к отцу. Меня почти не замечал. Он был частым гостем в нашем доме, оставался на ужин, чтобы обсудить с папой дела, или часто путешествовал вместе с нами, но всегда держался так, будто меня рядом попросту не было. Почему я вообще подумала об этом

сейчас? Наверное, все дело в напряженной и немного затянувшейся паузе. Он так больше ничего и не сказал.

— Приехали, — оповестил он и припарковал машину в гараже. Свою дверцу открыл сразу же, направился ко мне. — Сиди! Пол бетонный.

Я не успела поставить ступню, как он оказался рядом и опять взял меня на руки.

— Ничего, я дойду.

— Ничего, я донесу, — упрямо настоял Артур и подкрепил заявление не терпящим возражений взглядом.

Из гаража мы попали в небольшой коридор. Из него в кухню — холл — лестницу на второй этаж — спальню. Его. Обстановка так и кричала: «Логово закоренелого, но аккуратного холостяка!»

Мне понравилась черная мебель и стеклянные матовые створки гардеробной, через которые были видны аккуратно развешанные рубашки и костюмы. Понравилась белая стена с длинным камином и затейливая картина. А еще панорамные окна с видом на задний двор, красивый сад и озеро, что казалось лужицей где-то вдалеке. Но больше всего мне понравилась незаправленная кровать и небрежно брошенная на стул рубашка. Грязно не было, нет. Но и не было до тошноты чисто, как всегда требовал Глеб.

Мысль о нем больно кольнула.